

УДК 128
DOI: 10.18101/1994-0866-2018-1-3-3-11

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ: ФИЛОСОФСКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ

© **Юлия Владимировна Маслянка**
кандидат философских наук, доцент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: maslyanka_uv@mail.ru

В статье рассматриваются вечная проблема смысла жизни, ее философский и художественный аспекты. Характерное для современного человека ощущение утраты смысла представлено как результат кризиса и вырождения доминирующего способа производства общественной жизни, его системы ценностей и смыслов. В этом контексте ставится задача формирования новой, постбуржуазной системы ценностей. В развитии философской мысли и духовной культуры в целом выделены три основных этапа — классический, неклассический, постмодернистский. Каждый из них формирует определенное представление о сущности мира и человека, логике и смысле истории. Эстетический пласт проблемы находит выражение в серии классических образов героев, мудрецов, святых, ученых, революционеров. Показано, что искусство и художественное творчество часто опережают науку в осмыслении сущности и перспектив социального развития, давая суровую оценку господствующему типу социального действия. Классическая дихотомия Гамлета и Дон Кихота берется за основу репрезентации художественного плана проблемы.

Ключевые слова: смысл жизни; система ценностей; кризис цивилизации; понятие; художественный образ; Гамлет; Дон Кихот.

Поиски смысла жизни — это одна из центральных тем философского знания, начиная с момента его зарождения и заканчивая современностью. Вся история философии есть не что иное, как попытка понять сущность мира и человека, его место в мире и смысл существования. Искусство как альтернатива научной рациональности также всегда было направлено на отражение сущности и смысла жизни человека, но использовало при этом свои специфические средства выражения. Таким образом, философия и искусство выступают как во многом противоположные, конкурирующие и вместе с тем дополняющие друг друга формы культурного самопонимания и самовыражения человека.

Актуальность проблематики смысла жизни не вызывает сомнений на современном историческом этапе, который может быть охарактеризован как глубокий цивилизационный, ценностно-смысловой кризис. Поразившие современный мир финансово-экономические кризисы, рост неравенства и нищеты, угрозы экологической катастрофы и глобального терроризма заставляют задуматься об основах нашей цивилизации, господствующем сегодня способе производства общественной жизни, логике и смысле истории. Поскольку нельзя понять и раскрыть индивидуального смысла жизни вне широкого культурного и исторического контекста, вне смысла истории [1, с. 5].

Именно XX век с его глобальными социальными и геополитическими катастрофами перевел проблему смысла жизни, подлинной гуманности из разряда

теоретических в разряд практических проблем, требующих от каждого из нас осознанного и ответственного действия. Показательно, что именно в цивилизованном обществе, в развитых странах мира статистика фиксирует неуклонный рост депрессий и суицидов, вызванных anomией [2], глубоким разочарованием в жизни. Известный австрийский психолог и философ, создатель логотерапии (смыслотерапии) В. Франкл пишет об этом так. «Сегодня мы, по сути, имеем дело уже с фрустрацией не сексуальных потребностей, как во времена Фрейда, а с фрустрацией потребностей экзистенциальных. Сегодняшний пациент уже не столько страдает от чувства неполноценности, как во времена Адлера, сколько от глубинного чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты, — поэтому я и говорю об экзистенциальном вакууме» [3, с. 24]. Большинство мыслителей, как и Франкл, видит причину этого в разрушении традиционного общества, веры в некую устойчивую тотальную систему ценностей и смыслов. Польский психолог К. Обуховский определяет новейшую тенденцию как революцию субъектов и связывает драму современного человечества с искушением предметизации. В традиционной культуре («культуре людей-предметов») условием хорошего самочувствия и даже гордости индивида было следование определенным стандартам, социальным ролям, которое в новых условиях часто лишено всякого смысла. «Глупость политиков, тупость идеологов, атмосфера, а может, просто всеобщее образование, которого требовали новые технологии, привели к тому, что люди утратили шанс полагаться на данные им культурные модели» [4, с. 249].

Таким образом, базовый конфликт современности исследователи видят в столкновении традиции и модернизации, «культуры людей-предметов» и «культуры людей-субъектов» (по Обуховскому). Такая трактовка, с нашей точки зрения, не лишена определенного смысла, но явно недостаточна. Борьба старого и нового, различных способов производства общественной жизни, «переоценка всех ценностей» (Ф. Ницше), проявления нигилизма — многократно повторялись в истории человечества. Достаточно вспомнить Гамлета, принца датского, говорившего о прерванной связи времен и о том, что он должен ее восстановить. Или острый конфликт отцов и детей, представленный в образах семьи Кирсановых и нигилиста Евгения Базарова. Поэтому не стоит, с нашей точки зрения, излишне жестко и механистично противопоставлять современную ситуацию предшествующим эпохам как тотальному традиционализму. Во все времена индивиды приносили что-то новое в существующий способ производства и осмысления жизни, развивали и углубляли существующую систему ценностей. Другое дело, что в современном обществе эти изменения приобретают более глубокий и динамичный характер. На первый план выходит тенденция индивидуализации исторического процесса, связанная с формированием нового типа общественного производства.

Глубокий научный анализ состояния современного общества позволяет говорить о кризисе и вырождении доминирующего на глобальном уровне и интегрирующего всю «мировую суперсистему» буржуазного способа производства общественной жизни, лежащего в его недрах типа труда и производственных отношений [5, с. 210]. Это выражается, с одной стороны, в угнетении и подавлении формирующихся элементов всеобщего труда и интеллекта, составляющих основу постбуржуазной цивилизации, с другой — в укреплении традиционного уклада жизни в отстающих странах и регионах мира, в восстановлении традиционного типа социального действия и соответствующей ему архаичной системы ценно-

стей. Современный человек оказался перед странной дихотомией между пустой свободой и индивидуализмом буржуазной морали и бессмысленным догматизмом традиционной морали, т. е. искушением предметизации. Это выбор без выбора.

Развитие материальной и духовной культуры человечества — это неизбежность. На смену машинному труду и соответствующей ему организационной системе неизбежно придет новый, всеобщий научный, или автоматизированный, труд [6, с. 116], который потребует новой организации труда, новых социальных институтов, новых представлений о мире и человеке, новой системы ценностей. Мы уже писали о том, что система ценностей добуржуазного и буржуазного общества может быть определена как абстрактно-всеобщая [7, с. 178], поскольку ценности знаний, труда, патриотизма, равенства, братства, справедливости и прочие носят в ней во многом абстрактный, декларативный характер. Эти ценности могут быть реализованы и осмыслены людьми в различной степени в зависимости от их сословной или классовой принадлежности. Являются ли реальными ценности знаний, любви к труду, равенства и патриотизма для нещадно эксплуатируемых народных масс в классовых обществах — рабов, крестьян, наемных рабочих? Однако и представители господствующих классов не являются носителями этих ценностей в их подлинном смысле. Не вовлеченные непосредственно в процесс созидания материальной культуры, не чувствующие напряжения и тягот «народной жизни», представители господствующего класса зачастую «лишаются корней», отрываются от жизни, ощущая экзистенциальную пустоту. В конечном счете индивиды равны только перед Богом как абстрактные духовные существа. Поэтому религия и выполняет во всех классовых обществах стабилизирующую и компенсирующую функции, являясь метафизическим фундаментом и оправданием любой классовой идеологии.

Новая, формирующаяся на основе всеобщего труда и интеллекта система ценностей и смыслов будет носить, с нашей точки зрения, конкретно-всеобщий характер. Это означает, что ценности интеллектуального развития, любви к труду, патриотизма и интернационализма, человеколюбия постепенно будут наполняться реальным содержанием. По сути, мы говорим здесь о сложном процессе формирования новой идентичности, нового исторического типа человека, процессе, идущем на всех уровнях социальности — экономическом, идеологическом, моральном, рационально-логическом, эстетическом. Не вдаваясь здесь в детали и не давая оценок ситуации в современном российском обществе, подчеркнем лишь, что прогрессивными в данном отношении являются тенденции растущего государственного планирования и регулирования экономики и культуры в целом на демократических, общенародных началах.

Таким образом, перед современным человеком стоит нетривиальная задача формирования новой системы ценностей и смыслов, системы, которая будет не простым отрицанием предыдущей, но будет включать в себя базовые ценности предыдущей культуры, наполняя их новым, конкретно-всеобщим содержанием и смыслом. На этом пути научная рациональность и художественное творчество, безусловно, нуждаются друг в друге.

Рассмотрим общую логику развития проблематики смысла жизни в истории философии. В развитии философской мысли, с нашей точки зрения, отчетливо выделяются три основных этапа, которые связаны с общим уровнем и логикой развития материальной и духовной культуры человечества. Базовые принципы и

система ключевых понятий этих этапов определяют общее миропонимание эпохи, представление о сущности, ценности и смысле жизни человека.

Классический этап характеризуется, в общем, системностью, рационализмом, «гносеологическим оптимизмом», устойчивой системой понятий и бинарных оппозиций: материальное/идеальное, развитие/тождество, необходимость/случайность, причина/следствие и т. д. В классической философии смысл жизни трактуется как отражение-переживание сущности мира, природы и истории, родового и индивидуального содержания нашей жизни. Смысл жизни индивида неразрывно связан с сущностью мира, человека, логикой и смыслом истории, является индивидуальным выражением родового, универсального. Однако до середины XIX в. все философы независимо от их принадлежности к партиям материализма или идеализма фокусируют свое внимание на духовной стороне человеческой природы, связывая смысл жизни исключительно с интеллектуальным досугом, научным творчеством, просвещением и нравственным самосовершенствованием. Такая установка была предопределена классово-структурной организацией общества, оставлявшей в тени и принижавшей материальные аспекты природы человека, его способность к непосредственному преобразованию природы и общественной жизни.

Кардинальный поворот в классической философии произошел в середине XIX в., когда бурное развитие буржуазных отношений нашло выражение не только в становлении системы наук, но и в выдвижении на первый план могущественной силы истории, субстанции исторического процесса — народных масс. Эти фундаментальные изменения нашли свое теоретическое выражение в философии марксизма, которая смогла не только разрешить ряд крупных проблем классической философии, но и сформировать цельное, внутренне и внешне непротиворечивое представление о сущности мира, человека, смысле жизни. С позиций марксизма человек представляет собой интегральное социально-материальное существо, концентрированно несет в себе и выражает сущность бесконечного мира, является индивидуализированным родовым существом. При этом смысл его жизни не сводится исключительно к духовному творчеству (отражению и объяснению реальности), но, главное, состоит в объективном преобразовании природы и самого себя, развитии общественных отношений, реальной, деятельной эмансипации своей природы. Таким образом, подлинный гуманизм состоит в деятельном, объективном самопреобразовании и самоосвобождении человека.

Неклассический этап в философии есть, с одной стороны, следствие трудностей и нерешенных проблем классического этапа, с другой — следствие углубляющихся противоречий, кризисов буржуазного общества. Этот этап характеризуется тем, что развивается в классической системе понятий, хотя и смещает акценты в сторону дуалистической/плюралистической картины мира, иррационализма, агностицизма. С одной стороны, неклассические философы фокусируют внимание на субъективности индивида, его глубинных переживаниях и смысле жизни, с другой — жестко и механистично противопоставляя субъективное и объективное, «вещь-для-нас» и «вещь-в-себе», лишают субъективные переживания их «онтологических корней». Смысл жизни индивида разворачивается исключительно в индивидуальном смысловом пространстве, в отрыве от сущности мира, сущности и смысла истории. Несмотря на то, что такие художественные произведения, как «Тошнота» Сартра или «Посторонний» Камю, явля-

ются довольно точным выражением переживаний одинокого человека в эпоху глубокого кризиса, они по этой же самой причине, не могут быть признаны аутентичным переживанием и выражением действительного смысла жизни.

Постнеклассический, или постмодернистский, этап в развитии философии характеризуется тем, что подвергает тотальной деконструкции систему понятий и принципов научной рациональности и классической культуры. Он сам является довольно точным и глубоким отражением процесса вырождения и разложения современной буржуазной цивилизации. Если неклассическая философия, по сути, элиминировала онтологическую проблематику, то постнеклассическая элиминирует и гносеологические проблемы. Все сколько-нибудь крупные философские проблемы здесь подлежат деконструкции [8]. Остается лишь «поверхность», поверхностные, лишенные глубины смыслы. Все вещи, явления и процессы объявляются равноценными, и мы движемся от одного явления к другому, фиксируя лишь их различие. Все ценностные иерархии деконструируются, что, заметим, очень важно в условиях объективного доминирования отнюдь не лучшей (не прогрессивной) идеологии и системы ценностей. Полагаем, что именно благодаря своему могущественному союзнику — постмодернистской символической культуре — давно дискредитировавшая себя буржуазная идеология сохраняет свое влияние в глобальном мире.

Обратимся теперь к другой стороне — художественному осмыслению и переживанию сущности человека. Задолго до появления философского и научного мышления, системы понятий и даже письменности искусство выполняло важнейшую функцию интеграции внутреннего мира человека и, соответственно, интеграции, первичного объяснения внешнего мира. Уже первые образцы наскальной живописи и примитивные изображения человека (например, «Венера палеолита») дают представление о содержании, ценностях и основных смыслах первобытной жизни. Как и философия, искусство отражает основные этапы и вехи в развитии материальной и духовной культуры. Здесь также правомерно говорить об этапах классического, современного и, наверное, постсовременного искусства, во многом повторяющих ориентации рассмотренных выше философских этапов. Если классическое искусство в большей степени ориентировано на внешний мир и стремится максимально полно и глубоко раскрыть связь человека с мирозданием и обществом, то неклассическое (современное) искусство выражает драму потерянного и одинокого человека, утратившего надежду покорить природу, сделать гуманным общество и обрести в связи с этим смысл жизни. Искусство конца XIX — первой половины XX в. погружается во внутренний мир человека, стремясь найти там некую «точку опоры». Постсовременное искусство, как представляется, подрывает и эту последнюю надежду, эстетизируя теневые стороны нашей культуры, распад, небытие, бессмысленность.

В отражении реальности искусство обладает некоторыми преимуществами перед научной рациональностью. Оно часто опережает научное мышление в постановке важных проблем и обнаружении феноменов, которые еще только формируются, вызревают в недрах социальной жизни и не стали предметом научной рефлексии. Не случайным является «тот факт, что творения Софокла и Еврипида предшествовали диалогам Платона, "Метафизике" и "Поэтике" Аристотеля, что, скажем, в более позднее время Шекспир и Бальзак гениально отразили многие картины жизни, теоретическое осмысление которых было впослед-

ствии дано Марксом, что предшественником или даже предтечей плеяды русских философов Серебряного века был Достоевский» [9, с. 9].

Если научное мышление оперирует понятиями, то художественное оперирует образами, интегрирующими сознательные и бессознательные аспекты психики, дающими целостное отражение реальности во всем ее бесконечном богатстве. Логическое мышление занимается тем, что преимущественно расчленяет реальность, фиксируя границы тех или иных явлений и выявляя их сущность по отношению к сущности человека, находящегося на определенном этапе развития. В этом смысле логическое мышление как бы стремится зафиксировать актуальный уровень развития реальности. Художественное мышление, напротив, всегда синкретично и внутренне динамично, актуальный и потенциальный планы реальности здесь находятся в глубоком внутреннем единстве.

Если наука фокусирует внимание на общем и универсальном, то искусство дает конкретно-чувственный образ реальности, раскрывая уникальные, неповторимые моменты жизни.

Вместе с тем, рассматривая дихотомию научного мышления и художественного творчества, мы должны отдавать себе отчет в том, что в нашей жизни они неразрывно связаны, как неразрывно связаны логический и чувственный уровни познания, сознание и бессознательное человека. Так, классический спор физиков и лириков возникает в силу рассудочного, механистичного противопоставления двух тенденций, заложенных в самой природе нашего мышления. Абсолютизация одной из этих тенденций, жесткое (недиалектичное) их противопоставление заметно обедняют наше понимание природы социального отражения, обедняют духовный мир личности.

Философия, занимающая исключительное место в системе научного знания, являющаяся источником и интегратором научного мышления, в целом имеет особые взаимоотношения с искусством и художественным творчеством. С момента своего возникновения философия становится доминантой духовной культуры человечества, оказывая мощное воздействие на все жанры и виды искусства. В той или иной степени все жанры искусства сегодня приобретают философский характер. Однако особое место среди них занимает литература, зачастую непосредственно выражающая те или иные философские проблемы и предлагающая варианты их решения. Глубокое видение и понимание своей эпохи дали нам произведения Гомера, Данте, Сервантеса, Шекспира, Гёте, Толстого и других гениальных художников.

Кроме того, метафоры и другие художественные возможности языка являются важнейшими инструментами развития самого философского мышления [10, с. 79]. Философия, давая нам интегральную картину реальности, всегда работает на границе возможностей языка. Формируя новый язык, она тем самым формирует новое, более глубокое и развернутое представление о сущностной структуре реальности. Работа с языком и его выразительными возможностями является полем пересечения философии и литературы.

Классическая литература создала целую галерею образов, выражающих определенные представления о сущности человека и общества, ценности и смысле жизни. Это и сражающиеся с судьбой и богами мифологические герои, и мудрецы, влекомые истиной, и святые, и ученые мужи, положившие жизнь на алтарь науки и социального прогресса. Остановимся на близком нам образе Фауста Гете. Фауст — архитипический для западной культуры образ интеллектуала, увлечен-

ного познанием тайн мироздания, оторвавшегося от своих природных корней и подлинных чувств. Неутолимое стремление к истине гонит Фауста все дальше, уводя при этом от самого себя, лишая покоя и простых человеческих радостей. Примерно об этом же, как представляется, рассуждает Лев Толстой в «Войне и мире», создавая образы Андрея Болконского и Пьера Безухова. Толстой говорит нам о том, что социальное самоутверждение, связанное с рационализмом и интеллектуализмом, не может служить источником счастья и подлинного смысла жизни. Похожие идеи мы встречаем у Ф. М. Достоевского, противопоставляющего самоубийственный интеллектуализм и рационализм Ивана Карамазова подлинной духовности традиционной культуры, которую выражает Алеша Карамазов. Однако мы должны понимать, что образы и идеи великих русских писателей — Толстого и Достоевского — являются плодами своей эпохи, затянувшегося цивилизационного конфликта между западниками и славянофилами, сторонниками буржуазной цивилизации, технического прогресса и традиционной полуфеодальной культуры. В этом затянувшемся на просторах нашего отечества споре Толстой и Достоевский, как представляется, занимали сторону традиционных ценностей русской культуры и религиозного мировоззрения в целом.

С нашей точки зрения, драма современного человека («фаустовской цивилизации») состоит не в интеллектуальности как таковой. А в том, что, во-первых, интеллект служит удовлетворению собственных эгоистических целей и интересов. Интеллект не служит развитию общества в целом. И, во-вторых, в силу объективных условий жизни в классовых обществах подлинное интеллектуальное развитие доступно далеко не всем, становясь во многом символом глубокого социального расщепления, несправедливости. В этом смысле ценность интеллектуального развития в нашей культуре до сих пор носит абстрактный, декларативный характер. Даже у представителей интеллектуальных видов деятельности в современных условиях, особенно в России, интеллектуальная установка не получает должного чувственного подкрепления и ценностной поддержки на уровне коллективного бессознательного.

Рассмотренные выше противоречия отчасти были сняты (в гегелевском смысле) в советской литературе и культуре. Она предложила новые героические образы — революционера, человека труда, ученого, отдающего все силы, а то и жизнь на благо общества. Эти образы не были абстрактными и действительно воодушевляли людей, поскольку были «выплавлены», созданы самой жизнью в строящемся социалистическом обществе. Образы советских людей — ученых, инженеров, изобретателей — являются выражением тех прогрессивных тенденций, которые впервые в истории были реализованы в Советском Союзе и, к сожалению, дискредитированы и поглощены поздним капитализмом.

Созданный советской литературой образ Павлика Корчагина неразрывно связан с другим фундаментальным образом нашей культуры — образом Дон Кихота. В своей замечательной статье «Гамлет и Дон Кихот» И. С. Тургенев пишет, что в главных героях этих ключевых для нашей культуры произведений воплощены «две коренные, противоположные особенности человеческой природы — оба конца той оси, на которой она вертится... что все люди принадлежат более или менее к одному из этих двух типов...» [11, с. 169].

Дон Кихот служит высшим ценностям человеколюбия и справедливости, видит отдаленные цели и на пути к ним часто разрушает устоявшийся порядок вещей. В силу этого он выглядит в глазах людей чудаком и безумцем. Жить для

себя, заботиться о себе для Дон Кихота — это что-то постыдное и невозможное. Гамлет — его антипод, он сосредоточен на себе, своем разочаровании и страданиях. Отличительные черты Гамлета — рассудочность и эгоизм, рождающие безверье. Идеалы, в которые он верил, рухнули, его удел — сомнение во всем и даже в себе.

Гамлет интеллектуален и глубок, он никогда не бывает смешным, но он и не имеет внутренней силы и убежденности, чтобы что-то создать, повести за собой других. «Гамлеты точно бесполезны массе; они ей ничего не дают, они ее никуда вести не могут, потому что сами никуда не идут» [11, с. 175]. С нашей точки зрения, образ Гамлета — точная характеристика человека кризисной эпохи, эпохи, когда прежняя система ценностей уже изжила себя, а новая еще не вызрела и не осознается людьми. Гамлет всякий раз выступает как эстетический приговор эпохе, он окончательно разрушает прежние устои и систему ценностей, расчищая пространство для новых идеалов. Показательны в этом смысле образы Гамлетов — «лишних людей», созданных русской литературой XIX в., выразившей кризис крепостничества и затянувшийся процесс становления буржуазных отношений в нашей стране. И сегодня Гамлет — доминирующий тип мировой и отечественной культуры, потерявшей ориентиры и «героический энтузиазм».

Таким образом, философская «эпоха “бытия в деконструкции”» (Ж. Деррида) находит свое закономерное выражение в художественном творчестве, что, как ни парадоксально, не должно усиливать пессимизма, а должно стимулировать нас к созиданию и утверждению новой системы ценностей.

Литература

1. Гобозов И. А. Смысл жизни как экзистенциальная проблема // *Философия и общество*. 2013. № 1. С. 5–20.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
4. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб.: Речь, 2003. 296 с.
5. Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 264 с.
6. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. I. 545 с.
7. Маслянка Ю. В. СМЫСЛ и «бес-СМЫСЛЕННОЕ время». Проблема смысла жизни в современной философии. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. 215 с.
8. Деррида Ж. Письмо японскому другу // *Вопр. филос.* 1992. № 4. С. 53–57.
9. Береснева Н. И., Береснев В. Д. Функция метафоры в философском рассуждении // *Новые идеи в философии*. Вып. 17. Актуальные проблемы научной философии: межвуз. сб. науч. трудов (по материалам междунар. науч. конф., Пермь, 10–11 апреля 2008 г.): в 2 т. Пермь, 2008. Т. 1. С. 75–84.
10. Зись А. Я. В поисках художественного смысла. Избранные работы. М.: Искусство, 1991. 350 с.
11. Тургенев И. С. Гамлет и Дон Кихот // *Собр. соч.*: в 12 т. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 11. С. 168–187.

PROBLEM OF THE MEANING OF HUMAN LIFE:
PHILOSOPHICAL AND ARTISTIC ASPECTS

Yulia V. Maslyanka

Cand. Sci. (Philos.), A/Prof.,

Perm State National Research University

15 Bukireva St., Perm 614990, Russia

E-mail: maslyanka_uv@mail.ru

The article deals with the eternal problem of the meaning of life, its philosophical and artistic aspects. For modern people this problem is represented as a result of the crisis and degeneration of the dominant practice of social life, its system of values and meanings. In this context, the task is to form a new post-bourgeois system of values. There are three main stages in development of philosophical thought and spiritual culture — classical, non-classical, postmodern. Each of them forms a definite idea of the essence of the world and humanity, the logic and significance of history. The aesthetic layer of the problem finds expression in a series of classical images of heroes, sages, saints, scientists, revolutionaries. The article shows that art and artistic creativity often outstrip science in understanding the essence and prospects of social development, giving a tough assessment of the prevailing type of social action. We take the classical dichotomy of Hamlet and Don Quixote as a basis for representation of the artistic plan of the problem.

Keywords: the meaning of life; system of values; crisis of civilization; concept; artistic image; Hamlet; Don Quixote.